

На сцене — герои книг...

У НАС
НА ГАСТРОЛЯХ

СКАЗКА... В театр для детей она пришла как поджаренный жемчужный драматургии, как искусство, способное радовать взоры и слух.

Хорошее подтверждение тому — спектакль Московского ТЮЗа «Красная шапочка». Замечательный советский драматург-сказочник Евг. Шаров вновь в эту старинную сказку внес содержание: в пьесе рассказывается не просто о доброй дочерушко и злом ведьме — Красная шапочка стремится сдружиться с всек обитателям леса, а волк, напротив, перестраивает, поработит и подчинит своей воле. Режиссеру В. Глуцкому удалось воплотить эту мысль в интересной художественной форме.

Среди участников спектакля, в первую очередь, отметим артистку И. Назарову, исполняющую роль Зайца. В наиболее его движениях, интонациях, мимике чувствуется вера в правду сказочных обстоятельств. Интересен и Ю. Гармаш — Волк.

Насколько бледнее, чем в пьесе, выглядят в спектакле героиня — Красная шапочка. Актриса А. Кулашова недостает той увлеченности, что отделяет исполнение И. Назаровой и Ю. Гармаша. Все, что она делает на сцене, — радуется, пляшет, борется, негодует, вселяется — делается как бы на полтона, без заразительности и огня, столь необходимых герою театра для детей.

Вопрос о положительном герое особенно остро встает в другом спектакле — «Приключения Гекльберри Финна».

Пьеса эта родилась в театре — инсценировка по мотивам произведения Марка Твена сделана артистом В. Богаченковым. Умное его удавшееся в пьесе есть юмор, и яркие характеры, и интересная завязка — борьба за освобождение негра Джима. Это главное и должно бы занять центральное место в спектакле. Однако деловитого решения важной в гуманный темы на сцене не получились (постоявших В. Фрильман).

Вспомним и детскую — Гекльберри и его друг шеф Джим, обманутые Виллом Тернером, приезжают вместо освобожденного негра в южный штат, где царит господство рабладельцев. Здесь театр сумел передать правдивую атмосферу жизни — безправное положение бедняка — как наркота, так и бедняк. Гибельный простотой исполнены речи разоренного фермера Гартиса (И. Чеканников)... А вот в трагик видна неясная пелена натага во главе с Сайласом Фелсом — богатым фермером. Во всей обложке Фелса (И. Дуранин) существует чуждое самодовольство — ему все можно, все дозволено.

Сцена идет в хоршем ритме, глубоко реалистично. Но в дальнейшем режиссер отходит от серьезного решения пьесы. Главным становится развлекательное, легковесное и не воздает оправданное истолкование образов.

Радее можем мы поперить в Фелса последующих актов, когда тот только и делает, что стремится помешать артиста; и падает, и бесконечно ушибается, без повода и причины пугается всего и всех. А отсюда и та борьба, что ведут герои спектакля, становится грушечной, непереносимой.

Неудал согласиться и с финалом спектакля. Он ничем не отличается от финала «Красной шапочка» и в том, и в другом случае дело кончается несолой песенкой всех участников спектакля. В «Приключения Гекльберри Финна» в финальной песне происходит своеобразный перелом персонажей пьесы. Песня вся о дружбе и странно видеть, что исполняют ее Джим и прелестный герой Тернер, неграинка Бетси и ее мучитель Фелс...

И, наконец, вопрос о положительных героях. Артистка И. Хрусталевская удалось воплотить многие черты героя. В ее Гексе — задорная веселость, мужество, отважное доброе сердце. И. Хрусталевская удачно подметила и передала характерные мальчишеские жесты, движения, привыч-

ки. Этого, к сожалению, недостает артистке Л. Шепалиной, исполняющей роль Тома Совера. Она не сумела создать индивидуальный характер, передать ту обязательность и строгую фантазию, что плявют в Томе. В спектакле это саншком привлекательный, истинный, главенский персонаж. Он по существу ничем не отличается от своего антипода в книге — младшего брата Сила. Мы же чувствуем в герое Л. Шепалиной большой мечты, эротицизм, увлече-

„Делать бы жизнь с кого“

ЮНОСТЬ всегда размышляет о жизни, открывающей перед ней. Отсюда и особая ответственность театра: ведь в деле сидят зритель и будущий герой — ведь бы жизнь с кого... Юноши и девушки хотят узнать на подмогках сцене свой современный в критических условиях: чтобы не замкнулись никакие существующие противоречия и чтобы не принижались никакие реально действующие положительные силы...

В спектакле Московского областного ТЮЗа «В поисках радости» Олег Савин (В. Лакирев) протестует против бытующих еще моралей. И хотя бурность этого протеста продуктивна не только большими человеческим возмущением, но и несдержанностью подростка, он радостно принимается зрлом. Тем более, что игра В. Лакирева не подделкой искренна и темпераментна.

Ненавидный Олегу мир моральных идеалов и ненасытного потребления жизненных благ представлен в спектакле весьма вычужденно, хотя, быть может, и излишне буквально (циклопических размеров шакал, громадная крокодил, повисшая над головами и т. д.). Видимо, выражение этой жаг бурной злобы должно являться на сцене грохочущая грубость Липшица-старшего (И. Чеканников), ошарашивающая

зрелищем, делом, за которое он берет, шипящей жаждой необычайного подвига и приключений.

И что же столько притом актрисы, сколько общее режиссерское упущение. В амплуаже показано старое злое, как абстрактное, глупое мальчишество, но не их стремление участвовать в происходящих делах, как тянутся они к подвигам. А ведь именно во время и пьеса Марк Твен.

Дети очень любят, когда взрослые говорят о них как с равными, почитаемыми, взросле. Именно так и должен разговаривать ТЮЗ со своими юными зрителями.

В. АСТРАХАНСКИЙ.

минут — в даче Дюочки. По сути дела — за кого борется: авантюризм, трагичность, характера, установка Флора не стоят того, чтобы за него воевать.

В конце концов получается, что «слава мрак» предвостановлены всеи личи мечтаний и порывов Олега, да презрительная небрежность Татьяны, да молчаливое осуждение происходящего Николая.

Правда, есть Геннадий Липшица, которого выдающийся сыграл Ю. Сосновский. Но он один, при всей его действительности, — не вырывает. Геннадий ведь только что вырывается из сумасбродного, свирепого мярка. Как бы не был предвостановлен этот образ, он не может быть назван небрежным...

Нельзя назвать настоящим героем и Олега. Ильяк врасплох не сбежал театру, сколько ужасу. Служит такой же, как и мучит из силежизни, в злы, спрашивающий: «как жить?» — не больше. Что касается его чистоты, честности, бурляния нескрывшихся еще возможностей, — все это делает образ интересным, но не дает ему права считать героем; вопрос о качестве постоянного жизненного примера решит молодой зритель.

Виде безразличен, но наизагляд, притки героя в другом отыскал — «Дорога через Соколынички» (пьеса В. Рыдацкого).

А ведь в спектакле видны хорошие актеры. Выступил обидно за того же И. Лакирева, приключенно играть Алексея Вранского, — юношу весьма странного, но почему-то получившего от выбора право срабатывать своим повлечением истинное содержание «интеллектуальной» жизни одной московской семьи. Ну, вышло, что Анастасия Иванова — жемчужина, Владимир Журиков — писатель, а обильнейший чиновник от литературы, а Вала — та актерствующая мешаночка, то ли мешанинующая актриса. А дальше что?

Уходит из дома, где оказался фальшивыми многие ценности, Михаил с Аленей — и все. Настоящая жизнь так и не приходит ни в пьесу, ни в спектакль — она только не-

громко звучит за окном призывным похолодным маршем.

И то здесь, кстати, герой? Во всяком случае — не Алексей Вранский, вопреки стараниям автора и усилиям постановщика В. Рыдацкого. И не Миша — тот слишком мало времени проводит на сцене. Илья, может быть, герой — Владимир Журиков, соидный «литчико», как вот давана боившийся рукошею националистический интеллигент в напоказ по почему выступавший в конце пьесы плащатым истинный Илья отец Вади и Аллочки, на сцене не правдоподобно, но весьма часто напоминающий — отважный путешественник, смелый оппортергатель консервативных норм семейного права! Но зрелого артиста вынуждают вопросы более жгучие, чем проблема семейного счастья или не оставшая в семье, если жена не пошла за мужем и его страданиях на край света...

«Дорога через Соколынички», хоть и не хотели этого автор и театр, — только предвостановлены комедия, главной пружиной которой является забавная путаница, рожденная наивными «жизненными наблюдениями» Дашки.

Ничего не спектакле «Моя старшая сестра» (пьеса Л. Жарникова и А. Володина) повисает невнятная героиня — Вайя. Спектакль этот мучительно поставлен (режиссер В. Фрильман), есть в нем значительный актерский улавок (Волод — И. Хрусталевская, Пелыша — Н. Суринова), причудливо оформленные художником П. Федорова и В. Ворончихина. Но хотя «Моя старшая сестра» и посвящен «смертели» Ленинского комсомола, он — для обрядного школьного юмора. Да и обрядовый в прошлом: гражданская война — это хоть и бедняк, но все-таки метания.

Итак, юноши и девушки, ожидающие встречи со своими молодыми современниками — героями сегодняшнего дня — не увидели их. Перспектива артиста, конечно, благодарный театранному коллективу за приезд: в городе, где нет ТЮЗа, трехнедельные его гастроли — большое событие. Но куда плодотворнее была бы встреча, когда бы вышел на сцену настоящий герой — современник! С. ГРАВИН.

90 КИ 1958
"ВЕЗД" г. Пермь